

Стойкий хрустальный солдатик

Ольга Ляхова

Есть люди, чьи судьбы на первый взгляд кажутся тотально удачными, счастливо сложившимися по какому-то необъяснимому, фантастическому везению. Именно такой лучезарной выделась многим жизнь выдающейся советской оперной певицы, народной артистки СССР, солистки Большого театра, отметившей в этом году свое 85-летие — Бэлы Руденко. Да и сама она поддерживала этот имидж, утверждая неоднократно, что считает себя человеком счастливым и что в жизни ей неизменно везло.

Повезло с первого раза поступить в Одесскую консерваторию, повезло, когда на конкурсе Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве ее заметил знаменитый итальянский певец Тито Скипа, повезло с грандиозными мировыми гастрольями, которые ей устраивал легендарный импресарио Сол Юрок, повезло со своими концертами объехать весь Советский Союз, повезло работать с выдающимся режиссером Борисом Покровским, повезло в 27 лет стать первой столь молодой народной артисткой СССР..

Впрочем, последнее она не сочла в свое время радостным событием, а напротив, долго нетешно плакала над своей так рано столь высоко вознесшейся творческой карьерой. Почему? В ответе на этот вопрос и кроется суть сомнения в пресловутой везучести и легкости судьбы легендарной певицы.

**«СЧАСТЬЕ — НЕ УДАЧА И НЕ БЛАГОДАТЬ;
СЧАСТЬЕ — ДОБРОДЕТЕЛЬ ИЛИ ЗАСЛУГА»**

Этот афоризм, принадлежащий перу русского Шпенглера — философа, публициста Григория Ландау (не путать с однофамильцем, лауреа-

Бэла Руденко

том Нобелевской премии физиком-теоретиком Львом Ландау), как нельзя точнее определяет всю — и творческую, и человеческую успешность нашей героини.

Очевидность этого факта станет наглядней, если внимательно всмотреться в историю жизни Бэлы Руденко, поскольку за каждым ее реальным и ирреальным везением стоит колоссальный труд, абсолютная самоотдача и вдохновенная влюбленность в свое дело.

Итак, первая удача: поступившая в Одесскую консерваторию им. А. Неждановой, причем без какой-либо подготовительной фундаментальной музыкальной базы, юная Бэла Руденко попадает в класс знаменитого в то время на весь Советский Союз профессора, Ольги Николаевны Благовидовой.

Любопытны воспоминания самой Ольги Николаевны о поступлении Бэлы Руденко в консерваторию: *«Фурора не произошло никакого. (...) Когда меня спрашивали после экзамена первого курса, что меня привлекло в этом цыпленке, я сказала: «В этом цыпленке мне нравится ее хрустально чистый голосок и, кроме того, я вижу какие-то невидимые ниточки, которые связывают ее, молодую певицу, со слушателем».*

Ольга Благовидова отличалась, с одной стороны, бережным отношением к будущей вокалистке, с другой — строгой взыскательностью. Она требовала полной самоотдачи в работе, умения все в жизни подчинять служению музыкальной сцене.

И ученица оказалась достойной своего учителя. Ежедневно Бэла работала над голосом, училась сценическому движению, постепенно овладевая инструментами, необходимыми не только для безупречного вокала, но и для создания полноценного, объемного сценического образа. Она твердо усвоила указание своего Мастера: если хотя бы день не порепетируешь, на неделю отступишь назад.

Бэла училась самозабвенно, сдавая все экзамены исключительно на пятерки, в результате — ее дипломной работой была архитрудная партия Царицы ночи в моцартовской «Волшебной флейте». А на своем выпускном вечере юная певица объявила:

«Тот, кто уже слушал меня вчера, сейчас должен услышать что-то новое от меня...»

Не случайно впоследствии Ольга Николаевна Благовидова говорила о своей ученице:

«Бэле близки произведения с глубиной музыкальной мысли, с эмоциональностью не броской, а более углубленной. Техника — это не самоцель. Петь надо ноты-мысли, ноты-чувства, а не ноты-звуки».

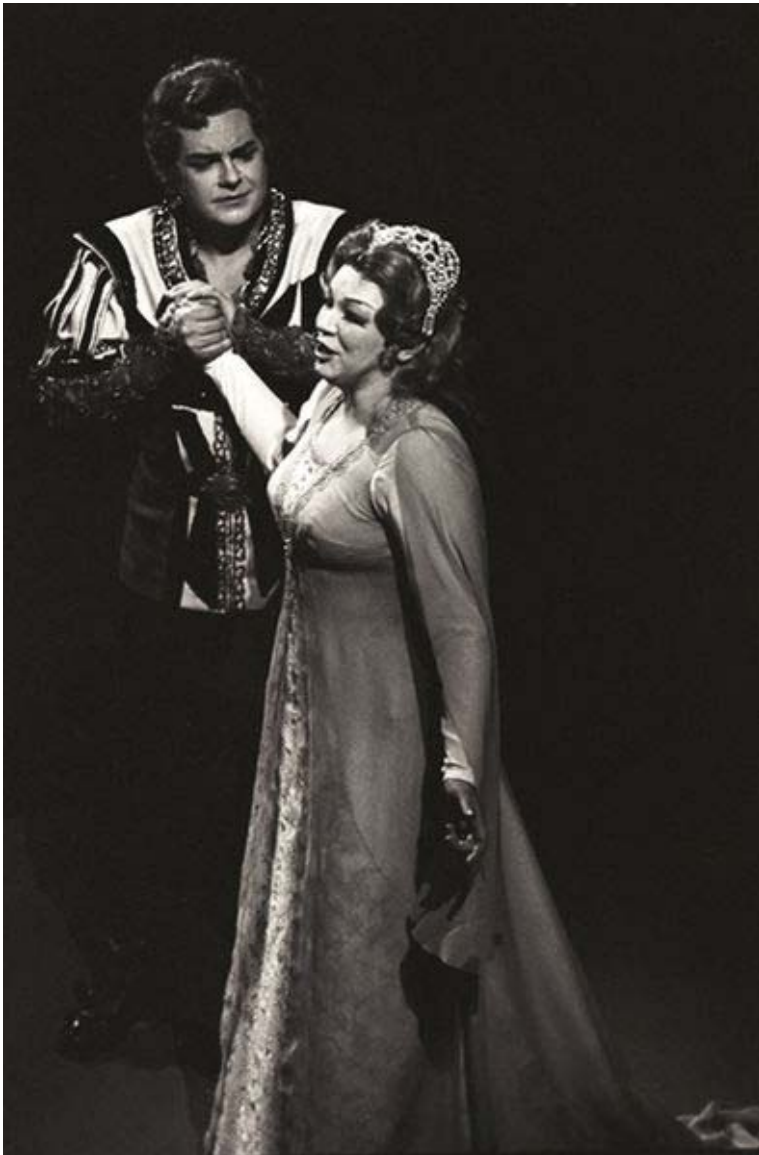
И кто осмелится утверждать, что за подобной профессиональной оценкой прославленного профессора не стоит благодарный, трудолюбивый, тонкий и талантливый ученик?

СЛЕДУЮЩАЯ НЕСОМНЕННАЯ УДАЧА И ВЕЗЕНИЕ БЭЛЫ РУДЕНКО

В Одесском театре оперы и балета готовили спектакль «Риголетто». Исполнительница (единственная) Джильды заболела. И главный дирижер театра Дмитрий Покровский обратился к Ольге Николаевне Благовидовой: «Я слышал исполнение вашей ученицей двух арий из «Риголетто». Она всю партию знает?». «Да, конечно, знает», — ответила профессор, не моргнув глазом, при том, что это было неправдой.

После этого она пришла в класс и объявила своей, к тому времени любимой студентке: *«Бэла, я сказала, что вы знаете всю партию. Значит, вы будете знать! Через неделю!».*

Бэла не только знала через неделю партию Джильды, она блистательно дебютировала в ней на профессиональной сцене. Это ли не чудо, в одночасье из студентки консерватории превратиться в солистку одного из лучших оперных театров страны?!

В заглавной партии
в опере «Иоланта».
Водемон —
Л. Кузнецов

«В этот день мне исполнилось 20 лет. Так я оказалась солисткой театра, о котором мечтала», — скромно расскажет впоследствии Бэла Андреевна.

А на самом деле — так родилась одна из лучших певиц XX века, колоратурное сопрано которой потрясало слушателей всего мира.

Однако в столь желанном театре уже полюбившаяся публике молодая солистка работала недолго.

Судьба готовила ей **новый сюрприз — везение**. Всего через год после дебюта на одесской сцене, сразу же после получения консерваторского диплома, она удостоивается Золотой медали на Всесоюзном конкурсе вокала в Москве, а после концерта лауреатов конкурса — получает приглашение в Академический Киевский театр оперы и балета имени Т.Г. Шевченко.

«У меня закружилась голова от счастья...», — вспоминала Бэла Андреевна, рассказывая о пред-

ложении, поступившем ей лично от Виктора Петровича Гонтаря, директора киевского театра, входившего в тройку лидирующих (наряду с Большим и Кировским), чей пул колоратурных сопрано тогда был необычайно силен (пожалуй, как нигде в СССР в тот период). Там пели Елизавета Чавдар, Галина Олейниченко, Евгения Мирошниченко, чуть позже вошла в труппу Ламара Чкония.

Но Бэла не затерялась в лучах славы признанных примадонн. Хоть часто они исполняли одни и те же партии, на сцене это были совершенно разные вокально-драматические образы.

«Создавать образы драматические, — говорила певица, — наполненные жизнью — какое это большое творческое, да и просто человеческое счастье».

Первые же спектакли показали, что молодая артистка очень тонко чувствует своеобразие стиля того или иного композитора, воплощенные ею образы всегда привлекают цельностью и многогранностью. Она не только ошеломляюще виртуозна в вокале, она рисует на сцене человеческие характеры, стремясь к масштабному созданию каждого образа, его психологической достоверности.

И ничего удивительного нет в том, что уже в следующем, 1957 году Бэлу Руденко ждет **снова удача (или опять везение?) и какая!** В рамках Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве проходил конкурс вокалистов. В нем принимали участие 200 человек со всего Советского Союза. Председателем авторитетного жюри был знаменитый итальянский тенор Тито Скипа.

«Везде были развешены плакаты «аплодисменты строго запрещаются», чтобы не отвлекать жюри. Была мертвая тишина, все сидели тихо и слушали. И вдруг, когда я спела, встал сам Тито Скипа и начал аплодировать. И за ним весь зал...», — вспоминает певица.

Скипа был поражен талантом молодой певицы. Он взял вокалистку под свою опеку и пообещал вывести на широкую мировую дорогу.

Первая премия и Золотая медаль на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов ознаменовали начало ее мировой певческой карьеры, она получила приглашение на концертные выступления в Москве, Ленинграде и Риге, в ряде европейских столиц вместе с легендарным мэтром, партнером самого Шаляпина, певшим на самых главных мировых сценах, Тито Скипа.

Через два месяца после фестиваля Бэлу Руденко снова ждал головокружительный **«господин счастливый случай»** — Международный конкурс вокалистов в Тулузе, где выступление обладательницы уникального колоратурного сопрано из СССР произвело фурор.

«Только-только открыли «железный занавес», — рассказывала Бэла Андреевна. — Когда я

Людмила в опере
«Руслан и Людмила»

вышла и объявили: «Советский Союз», поднялся такой шум!!! Как будто я прилетела откуда-то из космоса».

В те годы участие советских певцов в международных конкурсах было редкостью. Но победить в Тулузе в 24 года — редкость двойная, и Золотая медаль Бэлы Руденко оказалась настоящим событием.

Надо ли говорить, что возвращение молодой певицы в театр с конкурса в Тулузе было триумфальным. Но успех не «свел с ума» молодую триумфаторшу.

Настоящему мастеру свойственны неуспокоенность, неудовлетворенность сделанным, любое достижение воспринимается им как аванс и обязывает идти дальше, подниматься выше на пути к заветному Олимпу. Именно такова художественная натура Бэлы Андреевны.

Вернувшись из Франции в киевский театр, она погружается с головой в репертуар, в котором ей отведены ведущие партии колоратурного сопрано. Среди основных — Джильда и Виолетта в операх Верди «Риголетто» и «Травиата», Царица ночи в опере Моцарта «Волшебная флейта», Наташа Ростова в опере Прокофьева «Война и мир», Лючия в «Лючии ди Ламмермур» Доницетти, Церлина в «Фра-Дьяволо» Обера, Лейла в «Искателях жемчуга» Бизе, Лакме в одноименной опере Делиба, Йола и Ярина в операх Майбороды «Милана» и «Арсенал»,

Венера в «Энеиде» Лысенко, Стася в «Первой весне» Жуковского и другие.

«Бэла Руденко росла от роли к роли, от спектакля к спектаклю. Ее движение было постепенным — без скачков, но и без срывов. Ее восхождение на музыкальный Олимп было неуклонным; она не взвивалась стремительно, а поднималась, упорно завоеывая все новые вершины в каждой новой партии, и оттого так просто и уверенно ее высокое искусство и ее выдающиеся успехи», — писал о певице профессор В. Тольба.

Сама певица вспоминает об этом периоде своего творчества и жизни с большой теплотой и любовью.

«Это был период моей молодости, можно сказать — юности, начало моей карьеры певицы и сценической карьеры. Это был период получения самых высоких званий, больших и длительных гастролей по всему миру. Киевский оперный театр — это не просто театр, который я люблю, это мой родной дом. Я люблю и Большой театр. Но мое сердце разделено пополам, и его первая половина принадлежит Киевскому театру», — признавалась впоследствии Бэла Руденко.

Именно в киевский период жизни и творчества в судьбе молодой, но уже венценосной оперной певицы происходит настоящее чудо — во время выступления Киевского театра в Декаде украинского искусства в Москве в 1960 году Бэла Руденко присваивается звание Народной

Волхова
в опере «Садко».
Садко — В. Щербakov

артистки Советского Союза. Ей всего — 27 лет: редчайший случай (кто-то опять обозначит его пресловутым **везением**).

Мы же оценим его по Ландау — **заслужой**, и вот почему. Да, звание было присвоено артистке по личному распоряжению Хрущева. Но никакой случайности или тем более пресловутого везения этакого баловня судьбы здесь нет и в помине. К этому моменту имя талантливой советской певицы уже гремело далеко за пределами Советского Союза. Этому поспособствовали многочисленные зарубежные концертные гастроли певицы, самые грандиозные из которых ей устраивал легендарный импресарио Сол Юрок, восхищенный ее концертным выступлением в Ленинграде, на которое он попал практически походя, из любопытства, увидев афишу со знакомым именем и заинтересовавшись, как истинный профессионал, так ли уж хороша молодая солистка Киевской оперы.

О знакомстве с великим американским музыкальным и театральным продюсером русского происхождения Солом Юроком (Соломон Израилевич Гурков) сама Бэла Андреевна рассказывает, как о курьезном случае.

«Это было в начале моей карьеры. Я тогда каждый год давала сольные концерты в Ленинграде, каждый раз готовила какую-то новую программу. Как-то приходит после концерта ко мне человек уже очень пожилого возраста и говорит: «Я — Юрок». Я не поверила, думаю, врет, наверное, но сам факт того, что знает это имя — уже хорошо. Он говорит: «Вы мне очень понравились. Я вас приглашу в Америку». Я думаю, ну, конечно... (смеется). И он ушел. Я о нем забыла. Приезжаю в Киев. Спустя время звонят из госконцерта и говорят: Бэла Андреевна, вы знаете, Сол Юрок прислал потрясающий контракт на вас. Я поняла: значит, это был действительно Юрок...».

Продюсируя концерты Бэлы Руденко в США, а также в Канаде и Мексике, находчивый менеджер писал на афише ее имя вопреки оригинальной версии с удвоенной «л»: Bella, акцентируя внимание публики на том, что она встретится с поистине прекрасным.

И американская пресса по достоинству оценила божественное бельканто Бэлы Руденко, восторженно отзываясь о творчестве певицы.

«Сопрано, которые выполняют головокружительные пассажи, не прибегая к искусственным приемам, берут любую ноту с абсолютной уверенностью, воспроизводят трели с легкостью флейтиста, — редкое явление. Бэла Руденко — такое редкое явление. Со всех точек зрения ее выступление было триумфом», — писал, в частности, автор «Нью-Йорк таймс».

Харриэт Джонсон в статье «Руденко — редкостная колоратура», опубликованной в «Нью-Йорк пост», называет голос певицы «чистым и мелодичным, подобным флейте, которая так улаждает наш слух».

«Бэла Руденко — колоратурное сопрано, однако она с успехом поет и драматические партии, и это чрезвычайно интересно... В ее исполнении сцена Лючии из оперы Доницетти «Лючия ди Ламмермур» была исполнена такой жизни и реализма, какой мне до сих пор не приходилось слышать», — писал Артур Блумфильд, рецензент одной из Сан-Францисских газет.

Эти рецензии были переведены на русский язык и легли на стол Хрущеву, заинтересовавшемуся выступлениями Бэлы Руденко во время Декады украинской культуры в Москве. И, как потом рассказали самой певице, прочитав их, Хрущев возмущился: «А чего она — не народная СССР?».

Снова — **подарок судьбы**, необыкновенное **везение**, счастливое стечение обстоятельств, от-

Марфа в опере
«Царская невеста».
Собакин —
А. Ведерников

несли молодую артистку сразу к «касте небожителей» советского искусства?

Нет, это счастье (вспомним слова Ландау) — не удача и не благодать; это счастье — **добродетель и заслуга** талантливой молодой актрисы.

А для нее самой это стало потрясением, сильно ударило по самолюбию, как ни странно это звучит. Ведь присуждение высшего звания она рассматривала прежде всего, как колоссальную, и, казалось, неподъемную, тяжелую ответственность.

Вот почему, узнав о присвоении ей высшего почетного звания народной артистки СССР, молодая певица, обливаясь горячими слезами, заперлась в своем номере. Когда об этом узнал директор театра Виктор Петрович Гонтарь, он влетел к ней в номер со словами: «Дуреха! Что ж ты плачешь? Ты должна радоваться!». На что услышал в ответ: «За что они меня так состарили?». И в этом ответе молодой артистки кроится глубокий смысл ее нештучных переживаний. Ведь тогда такая награда

давалась в завершении творческого пути, а у нее впереди еще были 35 лет активной певческой карьеры, и каждым выходом на сцену ей надо было отныне доказывать, что звание получено неслучайно, что исполнитель достоин его.

И она доказала. Будучи занятой во всех ведущих партиях репертуара лирико-колоратурного сопрано Киевского театра, она неустанно пополняла и обогащала свой творческий багаж многочисленными концертными программами, вела активную концертно-исполнительскую деятельность, выступала с тематическими программами: «Моцарт», «Французская музыка», «Классический и советский романс», «Рахманинов», «Гречанинов», «Римский-Корсаков — Аренский», «Глинка — Даргомыжский», «Украинские композиторы на стихи русских поэтов» и другими.

Камерную музыку сама певица сравнивает с прекрасным мгновением: *«Она позволяет исполнителю как бы остановить это мгновение, затаив дыхание, заглянуть в самые сокровенные уголки человеческого сердца, залюбоваться на тончайшими нюансами».*

Неслучайно ее называли непревзойденной исполнительницей камерных Конcertов для голоса с оркестром Глиэра и Майбороды (последний был написан композитором специально для певицы и посвящен ей).

Эти *«архисложные концерты певица исполняла легко, играючи, поражая теми техническими возможностями, что были доступны ее головному аппарату. Острота и точность стакато, бешеные темпы в выпевании пассажей, всевозможные эффекты, идеально «вышитые» украшения любой сложности — пение Руденко отсылало к легендарным певицам итальянского бельканто типа Луизы Тетрацини, для которых, казалось бы, не было никаких вокальных преград, никаких технических сложностей. Вместе с ошеломляющим техническим блеском были в пении Руденко и теплота, сердечность, задушевность, подлинная выразительность, поэтому ее никогда нельзя было назвать чистой виртуозкой, лишенной умения достигать эмоционально-психологических вершин в своем искусстве»*, — писал о ней известный музыкальный обозреватель Александр Матусевич.

Как гастролер Бэла Руденко достаточно часто пела в эти годы в Большом театре, исполняя свой традиционный репертуар: Розину, Джильду, Виолетту. Московская публика ее хорошо знала и любила, она пользовалась глубоким уважением среди коллег-москвичей.

Тамара Синявская, рассказывая о совместных работах с Бэлой Руденко, отмечала: *«У нее очень красивое колоратурное сопрано, я бы даже сказала лирико-колоратурное сопрано. Потому что она*

могла петь не только сугубо колоратурные партии, такие как Джильда в «Риголетто», Людмила в «Руслане и Людмила». Но у нее прекрасная была Марфа в «Царской невесте», кстати, которую мы пели вместе. Она была Марфой, я — Любашей. Бэла Руденко — красивая, обаятельная, мягкая женщина, замечательный человек и великодушная певица, с потрясающим голосом: в нем есть и мягкость, и упругость, и округлость, и благородство. Очень профессиональная актриса, владеющая своим голосом практически в совершенстве».

В 1971-ом году один из лучших оперных режиссеров мира Борис Покровский приступил к постановке в Большом театре оперы Глинки «Руслан и Людмила», задумав ее как «преданья старины глубокой», при этом начисто лишив былинной статичности и наполнив юмором и динамизмом. А вот артистки на роль Людмилы в Москве не нашлось. И Покровский посчитал единственно верным решением пригласить на роль Людмилы солистку Киевской оперы Бэлу Руденко.

Пресса и зрители высоко оценили эту работу певицы.

«В ее пении и игре присутствуют драгоценные черты — юность, свежесть, непосредственное чувство красоты. Созданный ею образ многогранен, полон жизни. Ее Людмила обаятельна, душевна, переменчива, грациозна. (...) Удаются Руденко и характерные моменты партии. (...) Свободно и легко несется голос певицы в труднейших колоратурах, не утрачивая в них своего тембрового обаяния. Пленяет своей мягкостью, «легатностью» кантиле», — писал о ней после премьеры критик А. Кандинский («Советская музыка»).

После удачных гастролей театра с новым спектаклем «Руслан и Людмила» на сцене Ла Скала в 1973-ом ее взяли в труппу Большого театра — в самый главный театр Советского Союза.

Снова — **счастливый случай или везение?** Определенно — нет: закономерное развитие ситуации, подготовленной уникальным талантом, вдохновенным трудом и неустанным творческим совершенствованием своего Божьего дара к тому времени уже прославленной певицы Бэлы Руденко.

«Я с удовольствием пришла в Большой театр, с большой радостью, потому что все мои партнеры там — великие звезды мирового класса. И, вы знаете, Большой театр тогда был такой звонкоголосый, такой яркий, я имею в виду по составу своей труппы — Вишневецкая, Образцова, Атлантов, Архипова, Пьявко, Милашкина, Соткилава, кого бы вы не назвали... и басы, и баритоны, и сопрано — все уже знаменитые, прославленные — кумиры оперной сцены... это доставляло мне только радость. Это было очень

лестное приглашение, ведь Большой театр тогда был в Советском Союзе театром под номером один», — признавалась певица.

А мы можем со всей уверенностью и определенностью констатировать, что, придя на сцену Большого театра, Бэла Руденко достойно пополнила эту легендарную, блистательную плеяду лучших оперных исполнителей мира, составивших славу не только Большого театра, но и в целом оперного искусства страны.

«В течение пятнадцати сезонов Бэла Руденко оставалась недостижимой колоратурной примадонной Большого: равного ее уровню певицы этого амплуа в первом театре СССР так и не появилось», — писал о ней Александр Матусевич.

На сцене Большого театра наряду с уже известными публике Розиной («Севильский цирюльник» Дж. Россини) и Джильдой («Риголетто» Дж. Верди), Бэла Руденко создала плеяду незабываемых образов в операх русских композиторов — Людмила в уже упомянутом спектакле «Руслан и Людмила», Антонида в опере Глинки «Иван Сусанин», Марфа и Волхова в операх Римского-Корсакова «Царская невеста» и «Садко», Иоланта в одноименной опере Чайковского.

К этому времени она объездила весь Советский Союз (что было отмечено Госпремией в 1971-ом) и, без преувеличения, — весь мир, выступая с концертными программами на сценах крупнейших оперных театров. Ей рукоплескали Франция, Канада, Великобритания, Мексика, Бразилия, Норвегия, Швеция, Польша, Венгрия, Чехословакия, Румыния, Филиппины, Северная и Южная Америка, Австралия, Япония — везде были покорены ее удивительным искусством.

Ее артистическую свободу и легкость, уникальность голоса отмечали рецензенты всех стран и континентов. Вот лишь некоторые восторженные отзывы музыкальной критики того периода:

«Чудесный, прозрачный и сильный голос певицы покорил всех. Ее по праву можно назвать сегодня одним из лучших в мире колоратурных сопрано. Если вы хотите услышать, как катится жемчуг по бархату — слушайте, как поет Бэла Руденко», — «Майнити» (Япония).

«У Бэлы Руденко ослепительная техника, огромное музыкальное дарование, исключительное сценическое обаяние», — «Дейли уоркер» (Великобритания).

«Без преувеличения можно сказать, что Руденко сегодня — одна из лучших певиц мира», — «Фрихетен» (Норвегия).

А Бэла Андреевна тем временем признается корреспонденту одной из столичных газет:

«Я очень редко бываю довольна тем, что сделано. Кончился спектакль или концерт — кажется, полный успех — аплодисменты, цветы, вызовы,

Лео Кокле.
Портрет Бэлы
Руденко

“бисы”, а я копаюсь — это не так, это не то. Или слушаю записи и ужасаюсь».

Именно эта высочайшая планка, мера ответственности перед публикой и своим дарованием и стала причиной ухода со сцены великой певицы.

И, хотя голос звучал еще превосходно, отпев прощальный спектакль, оперу Чайковского «Иоланта», певица пришла на следующее утро в Большой театр уже художественным руководителем оперной труппы театра. Вот так, просто, без бенефисов, без помпезных прощальных выступлений.

Публика недоумевала: в тот самый момент, когда, казалось бы, слились воедино и полнозвучие ее неповторимого вокала, и филигранное владение им, и сценическое мастерство, артистка покинула театральную сцену.

А сама Бэла Андреевна объясняет это непостижимо спокойно и мудро:

«Все на этом свете имеет свое начало и свой финал. Выходить на сцену старушенницей с трясущимися руками и изображать Джульетту — это, по меньшей мере, несерьезно. И есть такая, на мой взгляд, очень правильная формулировка для артиста: «Лучше уйти со сцены на год раньше, чем на час

позже». Поверьте, нелепо выглядит уже немолодая певица, изображающая невинных девушек. Да, голос еще звучал, но говорить о том, что я ушла со сцены рано? — я пела 43 года. А положено — 25».

Откуда вдруг у еще очень красивой, находящейся на пике славы и преклонения многотысячных поклонников, на пике своих вокальных и артистических возможностей прославленной певицы возникли такие мысли? Кто-то из недоброжелателей нашептал?.. А, может, закулисные интриги?..

Нет — это было абсолютно самостоятельное, хотя и непростое, стоически принятое решение Большой Актрисы — и в этом еще раз проявилось величие и чистота помыслов и дел этой грандиозной женщины.

«Это было мое решение, никто, разумеется, мне не запрещал. Мне мои поклонники захотели сделать приятно и подарили мне заснятые (в то время это было редкостью) спектакли — два или три. Я посмотрела их и поняла, что вокруг меня молодые, а я уже не выгляжу так, как я бы хотела, так, как я когда-то выглядела. Вот это я поняла. А голос звучал. И я стала петь сольные концерты, еще восемь лет я ездила с концертными программами по стране», — объяснила свой непостижимо ранний уход с театральной сцены Бэла Андреевна.

Эту же взыскательность к себе, напряженный, вдумчивый, непрерывный анализ своего творчества культивирует сегодня в своих учениках профессор Московской консерватории Бэла Андреевна Руденко:

«Я своим студенткам говорю: ты станешь артисткой в тот момент, когда, выйдя на сцену, ты не будешь дрожать и нервничать, а будешь радоваться и испытывать чувство счастья, что ты можешь поделиться всем, что есть в тебе с твоей публикой».

В свои 85 лет Бэла Андреевна Руденко по-прежнему преподает вокал, и, по ее очередному признанию, счастлива этим.

Пролистывая страницы жизни столь же успешной, сколь и многотрудной, Бэлы Руденко, размышляя над природой ее фантастического творческого счастья, приходишь к мысли, что наиболее точным определением его, чем у Конфуция, не найти:

«Многие ищут счастья в областях выше своего уровня, другие ниже. Но счастье одного роста с человеком».

Да, несомненно, феноменальное, тотальное счастье Бэлы Руденко — певицы великого дарования, достигшей вершин творческого успеха, всемирного признания и триумфа, чье имя уже вписано в анналы истории мировой оперной сцены, стоит на недостижимом пьедестале в один рост с ней. **ИБ**